

УДК 8

DOI 10.21661/r-465055

М.А. Ангалева

ИМПЛИЦИТНЫЕ ТЕОРИИ ЛИЧНОСТИ И ЦЕЛОСТНОСТЬ ДИАЛОГА КАК СОЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация: статья посвящена изучению роли и значения образа личности, в частности в форме имплицитной теории, для формирования целостности диалога как социального образования, изучению диалога как части социальной ситуации, предполагающей постановку различных целей и задач, изучению вербальной целостности дискурса через призму представлений говорящего о личности, т.е. исходя из его имплицитных теорий личности, возникающих в его быденном сознании. Организация диалогического дискурса имеет непосредственную связь с имплицитными теориями личности, которые в свою очередь являются совокупностью представлений, имеющихся у говорящего в отношении партнера по диалогу. Единство и разнообразие коммуникативных смыслов диктуют вербальный выбор, соответствующий понятиям и образам участников диалога. В пределах общего информационного поля «я» и «ты» партнеров вступают в непримиримое противоречие, при этом двусторонность речевого общения в пределах языковой коммуникации является еще одним фактором социальной целостности диалога, разнообразие коммуникативных смыслов объединяется общими информационными, социальными, понятийными полями. В статье анализируются примеры из литературы, а также из предвыборных дебатов в США как на русском, так и английском языках.

Ключевые слова: имплицитные теории личности, целостность диалогического дискурса, коммуникативные смыслы, вербальная целостность, семантическое единство.

М.А. Angaleva

IMPLICIT THEORIES OF A PERSON AND DIALOG INTEGRITY AS A SOCIAL FORMATION

Abstract: *the article is devoted to the analysis of the role and significance of the image of a person, in a form of implicit theories to form the integrity of a dialogue as a social formation, to the analysis of a dialogue as a part of the social situation that presupposes setting various objects and tasks, to the analysis of the verbal integrity of a discourse in the light of the speaker's conception of a person, i.e. proceeding from his implicit theories of a person that emerge in his ordinary consciousness. The organization of a dialogic discourse is directly connected with implicit theories of a person, which in their turn are a complex of the speaker's images associated with his interlocutor. The unity and diversity of communicative senses dictate the verbal choice corresponding to the conceptions and images of interlocutors. Within the limits of the common informational field «I» and «you» of interlocutors enter into irreconcilable contradictions, at the same time the two-way character of speech intercourse within the limits of language communication is another factor of the social integrity of a dialogue, the variety of communicative senses is unified by informational, social, conceptual fields. The article analyzes literary examples and extracts from pre-election debates in USA both in Russian and in English.*

Keywords: *implicit theories of a person, the integrity of dialogic discourse, communicative senses, verbal integrity, semantic unity.*

Знаменитый русский философ, эстетик и литературовед М.М. Бахтин писал: «Жизнь по природе своей диалогична. Жить – значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, ответственствовать, соглашаться и т. п. В этом диалоге человек участвует весь и всюю жизнью: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками. Он вкладывает всего себя в слово, и это слово входит в диалогическую ткань человеческой жизни» [3, с. 258]. Действительно, именно в диалоге реализуется необходимость организовывать и координировать деятельность человека в процессе социального взаимодействия.

В современной социолингвистике диалог рассматривается как «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы – знания о мире, мнения, установки, цели адресата, –

необходимые для понимания текста, т.е. дискурс осознается как «сложная система иерархии знаний» [4, с. 8].

Общение рассматривается в современной лингвистике, как взаимодействие субъектов, одного или нескольких (в последнем случае мы говорим о разновидности диалога полилоге), обычно в одном или нескольких полях их деятельностей или при пересечении этих полей. «Было бы неверно, – писал Б.Ф. Ломов, – представлять себе процесс общения просто как последовательность перемежающихся актов, выполняемых каждым из его участников поочередно. Общение – это не сложение, не накладывание одна на другую параллельно развивающихся индивидуальных деятельностей, а именно взаимодействие субъектов» [5, с. 243–244].

Диалог по сути своей всегда является частью социальной ситуации, предполагающей постановку различных целей и задач, решение этих задач, достижение индивидуальных или общественных целей в личных или коллективных интересах. В качестве примера возьмем, хотя бы предвыборные дебаты двух кандидатов в президенты США, Хиллари Клинтон и Дональда Трампа. Дебаты запомнились резкими нападками кандидатов друг на друга – в частности, Трамп заявил, что при нем Клинтон сидела бы в тюрьме. Клинтон клеймила республиканца, как человека, оскорбляющего женщин, а Трамп напомнил ей о супружеской неверности Билла Клинтона [9]. Данный пример наглядно иллюстрирует ситуацию, в которой участники дебатов стремятся к достижению личных целей, а именно к победе на выборах.

Принимая во внимание тот факт, что диалог всегда выстраивается путем совместных (нередко разнонаправленных) усилий его участников, мы можем говорить о его социальной целостности. Целостность диалога как социального образования при этом обеспечивается вербальной целостностью диалогического дискурса, т.е. семантическим его единством. Мы можем характеризовать эту целостность как совокупность психических сущностей, возникающих в процессе деятельности участников диалога при производстве и восприятии высказываний диалогического дискурса. Его организация непосредственно связана с

имплицитной теорией личности, т.е. теми образами, понятиями, представлениями, имеющимися у говорящего в отношении своего партнера по диалогу.

Напомним, что под имплицитной теорией личности подразумеваются предположения «наивного субъекта» о том, как в личности соотносятся друг с другом две или более черт, так что если есть одна, следует предполагать и наличие другой [1, с. 151]. Будучи феноменом обыденного сознания имплицитные теории представляют собой сеть представлений и ожиданий относительно взаимосвязанности некоторых черт личности:

– Поэма Недогонова. Человек способный бесспорно. И Твардовский, и Маяковский, и Некрасов – и боек, и кругл, и идиличен. Ему обеспечена Сталинская премия [6, с. 96].

В данном примере имплицитное содержание высказывания, связанное с имплицитной теорией личности очень важно, и составляет основной смысл сообщения. Говорящий, имея представление о способностях поэта Недогонова, сочетающего в себе черты и Твардовского (бойкость), и Маяковского («круглость»), и Некрасова (идилличность), делает вывод о том, что его поэма может получить Сталинскую премию, т.е. соответствует представлениям партии и правительства о литературе, заслуживающей награды. В данном случае в высказывании пересекаются социально-политические, литературоведческие представления говорящего, его «теории» связанные непосредственно с личностью обсуждаемого поэта.

Другой пример:

– Не знаю, как Б.Л. (Пастернак), – но моей этике не соответствует просьба о деньгах с угрозой не дать стихов – угрозой мне. После всего, что я для него сделал. Я бы на его месте так не поступал.

– Дай бог, вы никогда не будете на его месте [6, с. 96].

Семантика данного примера построена на ряде компонентов имплицитной теории личности: на представлении первого участника диалога об этических нормах поведения, о благодарности за помощь и поддержку. В свою очередь семантическое построение ответной реплики демонстрирует наличие в

когнитивном базисе говорящего имплицитной теории личности в виде понимания реально сложного положения Пастернака в силу различных, в том числе и социально-политических причин. Наличие данной реплики вытекает непосредственно из высказывания первого собеседника («Я бы на его месте...») и иллюстрирует представления обоих (хотя и противоречивые) о личностных качествах Пастернака, т.е. является примером социальной целостности диалогического дискурса.

Рассмотренный пример демонстрирует существенную роль феномена имплицитной теории личности в организации диалогической речи.

Сторонники школы символического интеракционизма в социолингвистике особо подчеркивают двусторонность речевого общения. «В пределах языковой коммуникации *я* и *ты* предполагают друг друга с абсолютной необходимостью» [2, с. 220]. При этом обычно обращают внимание на различие «партии» говорящего (*я*) и «партии» партнера (*ты*). Вернемся вновь к анализу реплик в рамках предвыборных дебатов:

– у Москвы есть явный фаворит на выборах в США, Дональд Трамп – никто иной, как марионетка российского руководства...

– Сама вы марионетка [8].

Эта перепалка экс-госсекретаря и кандидата от республиканской партии живо демонстрирует наличие определенного общего поля, в рамках которого *я* и *ты* партнеров вступают в непримиримое противоречие. Заметим, что поле – это социальный контекст, в который включен дискурс. Оно формируется вокруг определенной темы, которая реализуется через активизацию когнитивного, логического, эмпирического компонентов. Тема реализуется за счет ключевых тематических слов, отбор которых определяется ситуативными условиями – временем, местом, отношениями коммуникантов. У данного диалога есть поле – социально-политический контекст, который развивается на основе общих фоновых знаний коммуникантов. Внутри этого поля мы можем выделить различные области (сегменты) значений, часть из которых выражается имплицитно: сегмент самообозначения, обозначения партнера, предметной ситуации, общих знаний и

др. В реплике Трампа «Сама вы марионетка» кроется многослойность и многомерность смыслового содержания: 1) я – не марионетка, не иду ни у кого на поводу (самообозначение); 2) Хиллари – марионетка, намек на связи с исламским движением и т. д. (обозначение партнера); 3) вообще допущение того, что в большой политике выполняется чей-либо заказ (общие фоновые знания).

Анализируя диалог подобного типа, мы можем констатировать, что он многофункционален, и помимо выполнения функции знакового программирования партнеров, несет функцию нормативной самопрезентации, психологической агрессии и психологической защиты от агрессии партнера, вербальной коррекции поведения партнера, осуждения его ценностей, психологического противодействия давлению партнера, а также целый ряд других функций, характерных для высказываний в рамках соперничества, конфронтации, борьбы.

Кроме пропозиционального значения высказываний, в репликах содержится объемный коммуникативный смысл, состоящий из интенциональной, модальной, эмоциональной, социальной информации, интерпретируемой партнером. Понятно, что эти смыслы разнородны, организованы разными языковыми средствами, однако в совокупности они несут всю полноту смысла, которым обмениваются коммуниканты:

– Откройте (очень грубый мужской голос). Я из агитпункта. Агитатор. (Сразу слышу: врет. Агитаторы всегда любезны до приторности.) Что же вы и агитаторам дверь не открываете?

Я бубню свое: хозяев, мол нет и пр. [6, с. 320].

В данном диалоге автор, принимая во внимание свое представление об «агитаторе» как человеке приторно любезном, а значит, лживом, делает вывод, что собеседник тоже лжив, ведь у него грубый голос, что не соответствует образу «агитатора», сложившемуся в сознании автора. Поэтому она и не открывает ему дверь, сославшись на отсутствие хозяев. В свою очередь собеседник, имея представление о том, что в Советском Союзе к личности агитатора должны питать доверие и уважать его, как носителя «правильных» социально-политических идей, удивлен и возмущен поведением собеседницы.

В этом примере явно прослеживается комплекс коммуникативных смыслов, определяемых общим социально-политическим пространством, которое в свою очередь диктует и вербальный выбор участников диалога в семантическом поле, соответствующем представлениям, понятиям и образам говорящих.

Зачастую в имплицитной форме говорящие могут выразить не только то, о чем они не хотят говорить прямо, но и то что вообще не может быть выражено эксплицитно полно и точно, подчас предоставляя собеседнику возможность диалога с самим собой, который предполагает анализ им высказывания, репрезентирующего имплицитную теорию личности имплицитно. Это в значительной степени может повысить потенциал психологического воздействия на партнера по диалогу, обогащая образ, внедряемый в его сознание, личностной, субъективной энергией:

Я спросила, у кого он здесь остановился.

– У Мики Голышева. Знаете?

– Да, знаю, это ваш друг.

– Дело не в том, что мой друг. Это вообще человек №1 [8, с. 276].

Под «человеком №1» говорящий подразумевает целый комплекс смыслов, о которых дает возможность додумать собеседнице, с которой, безусловно находится в общем информационном поле, тем самым усиливая смысл высказывания, обогащая его имплицитным, т.е. скрытым значением. В данной ситуации «человек №1» – это личность, обладающая благородством, смелостью (принимать опального Бродского), высоким интеллектуальным потенциалом, умением дружить и т. д. Однако эта картина должна сложиться в представлении собеседницы, исходя из ее фоновых, личных представлений о том, каким должен быть «человек №1». Доверяя собеседнице, не будучи с ней в противоречии, говорящий побуждает ее извлечь максимум смысла из одного лишь произнесенного слова.

Большинство приведенных выше примеров иллюстрируют еще и тот факт, что зачастую в формировании диалога бо'льшую роль играет интерпретация смысла, а не его анализ. Именно эта интерпретация прямо указывает на

имплицитную теорию личности как на важнейший фактор смыслообразования., поскольку интерпретатор располагает в составе своих знаний целым комплексом имплицитных теорий, используемых при интерпретации для смыслообразования.

Необходимо заметить, что в наших примерах объектом интерпретации является высказывание (реплика) диалога на фоне интерактивного диалогического целого, что еще раз подтверждает неоспоримую роль имплицитных теорий в организации диалога, как социального феномена. Ведь, предположим, слово «марионетка» можно понимать буквально: «кукла, приводимая в движение при помощи чего-либо», можно говорить, что это человек, политический деятель, слепо действующий по воле другого, что уже приобретет презрительный оттенок, можно интерпретировать смысл этого слова, исходя из конкретных представлений о конкретной политической ситуации, преследуя свои цели (например, дискредитировать данного политика в глазах избирателей), дав понять, кому служит этот политик, что он получает взамен и т. п. Причем каждый участник диалога может интерпретировать смысл высказывания (слова) по-разному, как, например смысл слова «агитатор» в одном из приведенных выше примеров.

Еще один пример интерпретации, теперь на английском языке. Трамп, обращаясь к избирателям (о Клинтон):

– She has no idea whether it is Russia, China or anybody else.

И, обращаясь к Клинтон:

—You have no idea! [7].

Подобная реплика, направленная в сторону кандидата от Демократической партии, наглядно иллюстрирует интерпретацию Трампом того факта, что Клинтон не может точно знать, кто организовал кибератаки, что у нее нет ни малейшего представления об этом. Высказывание в подобном духе предполагает помимо наличия имплицитной теории личности о том, способен ли человек лгать в данной ситуации или нет, еще и интерпретацию, выгодную в данном случае республиканцу.

Итак, суммируя все вышесказанное, мы можем констатировать, что диалог, являясь частью социальной ситуации и, предполагая постановку различных целей и задач, есть интегрированное социальное образование, целостность которого обеспечивается вербальной целостностью диалогического дискурса.

В свою очередь организация диалогического дискурса имеет непосредственную связь с имплицитными теориями личности, которые являются совокупностью представлений, имеющихся у говорящего в отношении своего партнера по диалогу.

Несмотря на то, что в пределах общего информационного поля «я» и «ты» партнеров зачастую вступают в непримиримое противоречие, двусторонность речевого общения определяет единство языковой коммуникации и является еще одним фактором социальной целостности диалога.

Единство и разнообразие коммуникативных смыслов диктует вербальный выбор, соответствующий понятиям и образам участников диалога, т.е. имплицитным теориям, возникающим в их обыденном сознании, формируемым в общем информационном (социальном, психологическом, понятийном и т. п.) поле.

Некоторые высказывания характеризуются своей имплицитностью, т. е. скрытым смыслом, что позволяет оказывать большое психологическое воздействие на собеседника, тем самым усиливая социальную значимость производимого высказывания.

И, наконец, принимая во внимание субъективные факторы, влияющие на формирование диалога, как единого целого, значимую роль играет интерпретация образов и понятий, а не их анализ.

В заключение мы можем констатировать, что образ личности, в частности в форме имплицитной теории, выступает одним из важнейших факторов формирования целостности диалога, как социального образования.

Список литературы

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. – М.: Аспект Пресс, 2005.

2. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. – М.: Прогресс, 2000.
 3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986.
 4. Караулов Ю.Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ю.Н. Караулов, В.В. Петров. – М.: Прогресс, 1989.
 5. Ломов Б.Ф. Особенности познавательных процессов в условиях общения. – Мю: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996.
 6. Чуковская Л.К. Из дневника. Воспоминания. – М.: Время, 2010.
 7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://medusa.io>feature>2016/10/20>
 8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru>2016/10/20>
 9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru>world>10.10.2016>
-

Ангалева Мария Анатольевна – канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка ФГКВОУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации, Россия, Москва.

Angaleva Maria Anatolyevna – candidate of philological sciences, associate professor of the English Department at Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Russia, Moscow.
